

История белорусской прокуратуры неразрывно связана с расследованием наиболее сложных и запутанных уголовных дел. Безусловно, одним из них является убийство в далеком 1937 году известного художника, учителя Марка Шагала, основоположника витебской художественной школы Юрия (Юдея) Моисеевича Пэна.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ЮРИЯ ПЭНА – УЧИТЕЛЯ МАРКА ШАГАЛА

Первого марта 1937 года заваленный снегом Витебск проснулся от шокирующей новости: кто-то ночью зверски убил старика Пэна. Спрашивать жителей провинциального города о том, кто такой Юрий Пэн, было излишне. Учитывая менталитет тогдашних горожан, можно с уверенностью утверждать, что заслуженного художника знали практически все.

В Витебске Юрий Моисеевич оказался в 1896 году по личному приглашению губернатора В.А. Левашова, который решил предоставить выпускнику Императорской Академии художеств весьма благоприятные условия для жизни и творчества. Пэн к этому времени имел репутацию хорошего портретиста, написал ряд прекрасных работ, в том числе портрет первой леди губернии Марии Левашовой. К тому же художников такого уровня в городе ранее не было, поэтому его появление на берегах Двины со всех точек зрения было полезным и оправданным.

Витебский период жизни Юрия Моисеевича был очень плодотворным. Он написал сотни картин и этюдов, не говоря уже об активной педагогической деятельности. Как справедливо заметила доктор искусствоведения Александра Шатских, «осмысление того, что было сделано им для художественного просвещения края, пробуждает глубокое уважение к скромному человеку, столь достойно исполнившему свою миссию на Земле».

К сожалению, последние мгновения этой миссии оказались для 82-летнего Пэна ужасными. Казалось, судьба должна была наградить его тихой кончиной в кругу родных и близких, однако случилось другое: его безжалостно убили в собственной квартире, перерезав горло обыкновенным кухонным ножом.

Первыми труп художника обнаружили уборщица городского исторического музея Мария Самсонова и постовой милиционер. Дело в том, что к началу 1937 года Пэн по состоянию здоровья уже не мог самостоятельно поддерживать элементарный порядок в большой

квартире, а тем более отапливать ее. Городские власти подрядили в помощь ему 16-летнюю Машу, которой вменили в обязанность начиная с 26 февраля ежедневно производить уборку и топить две печки.

Первого марта, подойдя к квартире художника, девушка обнаружила дверь приоткрытой, ключ валялся на полу. Это обстоятельство ее очень удивило и испугало. Преодолевая страх, Маша все-таки зашла в первую комнату, но никого не увидела. Сразу же предположила, что квартиру обворовали, поэтому быстро вышла на улицу и обратилась к постовому милиционеру. Совместно они вошли в квартиру и обнаружили окровавленный труп Юрия Пэна — во второй комнате на полу возле печки, за кушеткой.

Убийство известного художника требовало незамедлительной реакции правоохранительных органов. Моментально на место преступления прибыла оперативная группа вместе с прокурором Витебска Нускультором, следователем прокуратуры Детистовой и начальником местного НКВД Чепко. Вся квартира была осмотрена самым тщательным образом. Сделаны фотоснимки, составлена подробная схема, изъяты вещественные доказательства, в том числе орудия убийства — нож и топорик.

Трудно сказать почему, но, несмотря на прибытие на место происшествия прокурора города и следователя прокуратуры, дело не было принято к производству сотрудниками прокуратуры. Забегая вперед, отметим, что, если бы оно расследовалось прокуратурой, возможно, в дальнейшем выводы следствия были бы более убедительными и не привели к многочисленным слухам в городе и оправданию отдельных лиц в суде, а также переквалификации действий обвиняемых судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР.

Ю. Пэн. Автопортрет

Фактически уголовное дело об убийстве Юрия Пэна расследовалось оперативно-следственной группой, состоящей из работников НКВД, но в его материалах отсутствует постановление о создании такой группы, как, впрочем, и постановление о возбуждении уголовного дела. По-видимому, такие процессуальные документы в 1937 году не выносились.

На поиски убийцы Пэна были брошены лучшие оперативные работники Витебщины, которые детально изучали все обстоятельства преступления. Местные сыщики работали день и ночь, чтобы раскрыть это резонансное преступление. Были выдвинуты многочисленные предположения, но первоначально самой перспективной являлась версия об убийстве художника его бывшим учеником из Ленинграда, которого накануне в квартире Пэна видели родственники Юрия Моисеевича.

Говоря о родственниках Пэна, отметим, что в Витебске проживало семейство Файнштейнов во главе с Леей Файнштейн, мать которой являлась родной сестрой матери Пэна. Лея и ее дети, в том числе 26-летний Абрам и 18-летняя Неха, хорошо знали художника и часто бывали у него дома. Накануне убийства, 28 февраля, они приходили к нему домой примерно в 18 часов, где общались около двух часов. Со слов Абрама и Нехи, кроме них в квартире находился какой-то мужчина, которого Пэн представил как своего ученика из Ленинграда, обучающегося в Академии художеств. После их ухода незнакомец остался в доме.

С целью поиска этого ученика оперативники вместе с Нехой Файнштейн в Ленинграде негласно изучали и просматривали в Академии художеств возможных подозреваемых, но найти гостя Пэна не смогли. В то же время они обратили внимание на отдельные неточности в показаниях самой Нехи и ее брата Абрама об обстоятельствах посещения квартиры Юрия Моисеевича в день убийства.

После многочисленных допросов и очных ставок следствие пришло к выводу, что убийство художника — дело рук Нехи и Абрама, которые согласно протоколам допросов в конце концов признались в совершении преступления. Мотив преступления — деньги, хранившиеся в квартире Пэна. Основным организатором преступления была признана их мать Лея Файнштейн. Кроме того,

исходя из обвинительного заключения, по ст. 80 УК БССР (бандитизм) к ответственности были привлечены ее муж Рувим Файнштейн, их дети Залман, Хаим-Шлема, Рива и ее муж Мордхай Соломоник, так как, по мнению следствия, они “по предварительному между собою уговору под непосредственным руководством Файнштейн Леи организовали бандитскую группу с целью совершения ограбления и убийства художника Пэна для завладения его ценностями, деньгами и имуществом”. Также к уголовной ответственности по ст. 24-80 УК БССР был привлечен Михаил Олифсон, который обвинялся в сокрытии следов преступления.

Сегодня, изучая материалы этого уголовного дела, невольно обращаешь внимание на методику раскрытия и расследования убийства, совершенного 80 лет назад. В целом общие подходы к поиску виновных лиц остались прежние, но многое, разумеется, изменилось. Также вызывает интерес система взаимодействия правоохранительных структур и организация прокурорского надзора за расследованием этой категории дел.

Первое следственное действие (осмотр места происшествия) проводилось начальником 2-го отделения милиции города Витебска младшим лейтенантом милиции Стефаненко в присутствии прокурора города Нускульгора и следователя прокуратуры Детистовой.

В дальнейшем вскрытие трупа Юрия Пэна произведено на основании предложения следователя городской прокуратуры от 2 марта 1937 года в присутствии помощника прокурора Витебской горпрокуратуры Михайлова, следователя Детистовой и понятых.

На этом участие сотрудников прокуратуры города Витебска в расследовании дела завершилось. Дальше следственные действия проводились работниками уголовного розыска Витебского горотдела РКМ НКВД, а также 3-го и 4-го отделений Витебского горотдела НКВД БССР. Кто из них лично руководил расследованием дела, из имеющихся материалов понять сложно, но обвинительное заключение было составлено начальником 4-го отделения Витгоротдела НКВД БССР Кауфманом.

В ходе расследования по делу был проведен ряд криминалистических исследований, включая осмотр и вскрытие трупа потерпевшего, а также определение наличия крови че-

ловека на изъятых объектах. Однако в целом экспертные возможности были, мягко говоря, ограниченными.

В частности, у обвиняемых по этому делу изъяты два носовых платка с пятнами, похожими на кровь. Эксперт дал заключение, что данная кровь является “человеческой” без какой-либо детализации, в том числе по группе крови. Без сомнения, если бы тогда была возможность провести генотипоскопическую экспертизу, очень многие вопросы, связанные с обстоятельствами убийства, можно было бы прояснить раз и навсегда.

Картина совершения преступления против художника Пэна тоже свидетельствовала о том, что в квартире потерпевшего должны были остаться отпечатки пальцев (на ноже, топорице, ручке двери, других объектах), но они не изымались и по ним не проводились экспертные исследования, что, скорее всего, обусловлено отсутствием широкой практики проведения таких экспертиз.

В ходе следствия проверялись различные версии, но далеко не все. Так, в материалах дела нет документов, связанных с проверкой версии о причастности к совершению убийства одной интересной особы по имени Юлия, которая некоторое время проживала в квартире художника и имела весьма сомнительную репутацию.

Что касается надзорных функций, то работники прокуратуры города Витебска надзор за расследованием этого громкого убийства не осуществляли. По-видимому, учитывая особую актуальность дела, обеспечение надзора за ходом следствия было поручено помощнику прокурора БССР Минкину. Им давались санкции на заключение под стражу, в некоторых случаях лично проводился допрос обвиняемых либо он присутствовал при их допросе. Один из ключевых допросов по делу был проведен лично заместителем Прокурора БССР Селивестровым, что опять-таки свидетельствует об особой важности этого дела.

Многие обвиняемые и свидетели давали непоследовательные, противоречивые показания. Не способствовала выяснению всех деталей убийства и явная поспешность сотрудников НКВД, умноженная на желание завершить следствие в максимально короткие сроки. Обвинительное заключение было подписано 21 марта, т.е. фактически расследование длилось 21 день.

По окончании следствия 2 апреля 1937 года Минкин направил уголовное дело в суд, где две

недели спустя вместе с прокурором Глезеровым поддержал обвинение.

В ходе судебного следствия практически все обвиняемые отказались от своих признательных показаний, данных на предварительном следствии, однако приговором суда Лея Файнштейн и Абрам Файнштейн были осуждены к 10 годам лишения свободы, Неха Файнштейн — к 8 годам лишения свободы, Рувим Файнштейн, Залман Файнштейн, Рива Соломоник-Файнштейн — к 3 годам лишения свободы. Причем в отношении беременной Ривы этот срок определен как условный и она была освобождена из-под стражи.

Хаим-Шлема Файнштейн оправдан частично, а Михаил Олифсон и Мордхай Соломоник оправданы полностью “за недоказанностью предъявленного им преступления”.

В октябре 1938 года по протесту Председателя Верховного Суда СССР определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР действия Абрама и Нехи Файнштейн были перекалвалифицированы на ст. 247 УК БССР (разбой), а действия Леи, Рувима, Залмана и Ривы Файнштейн перекалвалифицированы на ст. 25-247 УК БССР, при этом было оставлено “всем в силе наказание, определенное Верхсудом БССР”.

Безусловно, возникшие проблемы при расследовании и судебном рассмотрении этого уголовного дела, как при расследовании тысячи других дел, в дальнейшем повлияли на развитие и формирование новых подходов к доказыванию вины граждан в уголовном процессе, закреплению современных принципов уголовной ответственности на основе законности, равенства всех перед законом, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма.

Также за 80 лет кардинально изменились теоретическое понимание и практическое применение парадигмы допустимости, достоверности и достаточности доказательств. То, что ранее во многих случаях считалось бесспорным и достаточным для привлечения человека к уголовной ответственности, сегодня вызывает удивление и недоумение. За эти годы сделан колоссальный правовой и нравственный прорыв в осмыслении, а самое главное — в реализации принципа презумпции невиновности и связанных с ней требований.

Игорь БОГАЧЁВ,
начальник отдела
прокуратуры Витебской области,
старший советник юстиции